

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Ли Тяньюня на тему:
«Будущее человечества в философском мировоззрении
Ф. Достоевского и Вл. Соловьёва», представленную на соискание ученой
степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2 –
история философии

Диссертация Ли Тяньюня посвящена чрезвычайно актуальной теме, особенно в реалиях глобальных сдвигов, происходящих в современных геополитических процессах. Мир нуждается не только в демонстрации военной силы, но и в духовных проектах для его сохранения. Одним из таких проектов в России традиционно выступает религиозная вера, философская мысль и художественное творчество. Наследие Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьёва являются яркими примерами интеллектуального и религиозно-мистического обоснования гуманистических проектов, на примере, реалий XIX века.

В работе диссертанта Ли Тяньюня обстоятельно рассмотрены проекты Достоевского и Соловьёва по вопросу будущего человечества, как оно видится с религиозно-философских позиций.

Работа состоит из трех глав: первая носит вводный – историко-философский характер. В ней подробно представлены имена исследователей по данной теме, хотя и несколько схематизировано. Имен много, но аналитиков по теме диссертации представлено гораздо меньше. Историко-философский экскурс проблемы искусственно сужен: выборочно даны имена некоторых славянофилов и западников, ставящих вопрос о будущем человечества; упор сделан лишь на гностическую традицию в истории русской философии и творчестве Достоевского и Соловьёва. Автору следовало бы более подробно раскрыть сущность этой традиции, выделить имена гностиков, повлиявших на Достоевского и Соловьёва. Возможно, стоило бы, соотнести гностическую и общехристианскую традиции изучения будущего человечества в их учении.

Вторая глава посвящена учению Достоевского, рассмотренному, как в «Дневнике писателя», так и в его художественных романах. Диссертант выстраивает определённую схему описания будущего, с точки зрения проблемы бессмертия, репрезентированной в разных текстах писателя по-разному. Материал хорошо изучен, автор знает романы Достоевского, посвященные данной теме. Затрудняет понимание логики и выводов автора лишь отсутствие внятного методологического подхода к анализу текстов. Стоило бы сразу прояснить, чем отличаются взгляды Достоевского о будущем человечества в его публицистике и в интимных дневниковых записях (например, «Маша лежит на столе») от озвученных позиций его романских персонажей. Необходимо доказать, что автор слит с тем или иным голосом, того или иного героя, как утверждает диссертант. Критика позиции М.М. Бахтина не кажется нам достаточно аргументированной, так как построена лишь на тезисах следующего типа: «Это утверждение Бахтина

остаётся спорным, поскольку трудно предположить, что Достоевский...не пытался выразить в своих произведениях свое оригинальное мировоззрение. Однако, мнение Бахтина, по крайней мере, заставляет признать, что каждый персонаж в романе Достоевского имеет право на свое слово» (с. 51). Предположение – не является аргументом в анализе. Позиция Бахтина не так примитивна. Она вовсе не исключает автора из текста. Более того, Бахтин объясняет, что вся полифония и равенство голосов, не могло бы состояться без моно-голоса, коим для Достоевского был Христос, от имени которого и говорил сам автор, если угодно.

При этом роль Христа, как главного субъекта всего построения «будущего человечества», диссертант отмечает правомерно. Также, нам кажется совершенно правомерным его тезис об отделении церковного христианства от Христа Достоевского. Правда, не всегда понятно из текста, рассматривает ли писатель Христа как «лучшего человека», и тем самым уходит от православия в сторону протестантизма, либо он оставляет за Христом его божественный статус и делает его идеальным образцом для критического оценивания, происходящего в мире.

Наиболее интересным нам кажется материал, посвященный анализу позиции Кириллова («Бесы»), его размышлениям о человекобоге, бессмертии и самоубийстве, как способе победы над физической смертью или страхом небытия. Очевидно, что Кириллов – метафизик, он создает концепцию новой реальности и человекобога, желая ею заменить традиционную христианскую картину будущего, богочеловека и идею бессмертия. Надо согласиться с диссертантом, что это наиболее трудный и важнейший персонаж у Достоевского. Диссертант интересно прописывает эволюцию идей Кириллова, сравнивая путь Кириллова с жизненным путем Христа. Но с выводами согласиться невозможно. Переход автора от гуманистического Христа к гностикам не понятен, как не понятно и умозаключение, возникшее в ходе данного сравнения: «С позиций философии гностицизма, реальный мир по своей сути есть зло, а уничтожение этого мира означает построение мира нового, который будет лучше» (с. 78). Во-первых, о каких гностиках и какой традиции идет речь? Во-вторых, уничтожение этого мира означает уничтожение свидетелей того нового, которого должно возникнуть. Необходимо разъяснить позицию, причем в контексте логики Достоевского.

Задачи, поставленные перед собой Кирилловым, как нам думается, несколько иные. Он учит о человекобоге, и каким бы он прекрасным не выглядел для Достоевского, человекобог – это лишь фальшивая подмена идеи Богочеловека-Христа, это апогей своеволия, квинтэссенция критики нарождающегося образа сверхчеловека (о котором писал и Соловьев) – основополагающего в идеологии и XX, и XXI веков. Христос исполнил волю Отца, а не проявил бунтарское своеволие, и был распят и воскрес на «третий день по Писанию». Кириллов же предал Христа, проявив своеволие, и тем самым «убил», а не заменил его собой. Христос умер за людей, даруя им бессмертие. Кириллов умер за идею, прикрывая своей смертью реальные преступления бесов.

Тем не менее, идея нового человека и бессмертия действительно входит в последующую религиозную мысль, также и благодаря Кириллову (учение Н. Федорова, например). Нужно признать необоснованным отказ диссертанта обсуждать, явно просматриваемую в «Бесах» интерпретацию идеи бессмертия Кириллова как преодоление смерти через страх и телесное разрушение. Стать Богом можно лишь, повторив его путь и подвиг – «смертию смерть поправ». Но кирилловское «воскресение» есть лишь жалкая материалистическая пародия на подлинное христианство.

В данной главе на многочисленных примерах даются варианты понимания бессмертия, которые можно было бы обобщить в некоторую типологию: вера в христианскую идею бессмертия (души?) и вечной жизни; неверие в эту идею и колебание между верой и неверием.

В третьей главе анализируется наследие В.С. Соловьева в контексте сопоставления его взглядов на богочеловечество с точкой зрения Достоевского. Представляется интересной и убедительной идея о связи и противопоставлении их позиций. Диссертант правомерно ставит задачу: «рассмотреть учение Соловьева о богочеловечестве в свете восприятия им идей Достоевского» (с. 111). Он показывает, что если Достоевский считал, что каждый человек может стать богочеловеком, то Соловьев, наоборот, считал, что «отдельный человек не может стать богочеловеком, но все человечество когда-нибудь обязательно станет богочеловечеством» (с. 105). Разница в том, что Достоевский о богочеловечестве говорит в индивидуальном, а Соловьев – в общецерковном смысле. Богочеловечество для него – Вселенская Церковь. Также рассматривается концепция человекобога, которую Соловьёв, по мысли диссертанта, также воспринял от Достоевского. Автор настаивает на тождестве образов богочеловека и человекобога, их противоречивого тождества в творчестве Достоевского и Соловьева. В таком случае возникает вопрос об удвоении терминов. Зачем нужно удваивать понятия, если их значение тождественно.

В этой главе много повторов из предыдущих глав. Тотальное влияние Достоевского на Соловьева кажется нам сильным преувеличением. Видно, что автор любит Достоевского, и даже глава о Соловьёва на две трети посвящена ему. Но он как будто забывает, что не Достоевский, а Соловьев был философом и концепция всеединства, восстановления единства церковью и общества – целиком его заслуга. Утверждать, что Соловьев постигал учение Фихте или других философов через Достоевского, кажется, не верным. Эрудиция Достоевского в философском аспекте гораздо скромнее его молодого друга. В 30-томнике ПСС мы не найдем ни одной ссылки на Фихте в его творчестве. Многие идеи он почерпнул из философии Н.Н. Страхова – своего коллеги и одного из теоретиков почвенничества. Стоит напомнить автору, что Страхов был известным оппонентом и Достоевского, и Соловьева и их дискуссии скорее повлияли на Достоевского (который признавался, что половина его идей взята у Страхова), чем наоборот. Следовало бы, не только на гностицизм обратить внимания в вопросах богочеловеческих проектов, но и на его почвеннические идеи борьбы с

